

КАК СОЗДАВАЛАСЬ КРЕСТЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (по материалам фонда ВОКП в ОР ИМЛИ)

© 2016 г. Е. А. Папкова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 06 сентября 2016 г.

Аннотация: Общество крестьянских писателей, за время своего существования переименованное ряд названий — от Всероссийского союза крестьянских писателей (1921–1925), Всероссийского общества крестьянских писателей (1925–1930) до Всероссийского объединения пролетарско-колхозных писателей (1931) и Российского общества пролетарско-колхозных писателей (1931–1932), ставило своей задачей осуществление государственной программы «переделки деревни» (В. И. Ленин) в духе «раскрестьянивания». Историю ВОКП, двух его периодов, организационных установок, творческой и идеологической работы с начинающими писателями из деревни наиболее полно раскрывают материалы фонда 156 (ВОКП) в ОР ИМЛИ. В первый период, 1921–1927 гг., в рамках борьбы с невежеством и темнотой крестьянской массы, общество оказывало крестьянским писателям реальную помощь, прежде всего в литературной учебе. После 1927 г., хотя была проведена большая работа по расширению ВОКП, акцент был перенесен на борьбу с кулацкой и мелкобуржуазной идеологией. По мере превращения ВСКП в РОПКП по-разному решался вопрос, кто является подлинно крестьянским писателем и у кого учиться начинающим. Все более нежелательными для поэтической ориентации молодых становились произведения «кулацких поэтов» С. А. Есенина и Н. А. Клюева. На основании рецензий на присылаемые произведения из фонда ВОКП можно понять, как оценивались их идеология и эстетика, какие давались советы и рекомендации, по каким принципам произведение признавалось годным в печать, а его автор — достойным стать членом ВОКП. Определяющим критерием все больше становилась «пролетарско-колхозная» идеология. Присланные же в ВОКП письма и рукописи крестьянских писателей немало рассказывают, о чем думали жители советских деревень, коммун и колхозов в 1920-е — начале 1930-х гг., внутренне во многом не принимавшие проводимую государственную политику.

Ключевые слова: общество крестьянских писателей, задача «раскрестьянивания» деревни, периодизация, литературная учеба, идеологические установки, «кулацкие поэты», фонд ВОКП в ОР ИМЛИ.

Информация об авторе: Елена Алексеевна Папкова — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: elena.iv@bk.ru

THE INVENTION OF PEASANT LITERATURE (on the materials of the All-Russian Society of Peasant Writers (VOKP), IWL department of manuscripts)

Elena A. Papkova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: September 06, 2016

Abstract: The essay focuses on the Society of Peasants Writers (hereafter referred as VOKP) that changed a number of names in the course of its existence – All-Russian Peasants' Union of Writers (1921–1925), All-Russian Society of Peasant Writers (1925–1930), All-Russian Association of Proletarian and Kolkhoz writers (1931), and Russian society of Proletarian and Kolkhoz Writers (1931–1932). Its main objective was the implementation of the state program for the “village reconstruction” (Vladimir Lenin) in the spirit of “raskrestyanivanie” [de-peasant-ring]. IWL archives (fund 156) contain rich materials on the history of the two periods of VOKP's activity, its agendas as well as evidence of its creative and ideological work with aspiring village writers. In the first period, 1921–1927, the Society rendered real help to peasants, primarily in literary studies, within the framework of the so called struggle against the peasantry ignorance. After 1927, albeit VOKP was extended, the activity of the Society concentrated on the crusade against the kulak and petty-bourgeois ideology. While the All-Russian Peasants' Union of Writers was being transformed into the Russian Society of Proletarian and Kolkhoz Writers, the Society tried to decide who was a “true” or “genuine” peasant writer and who therefore had the right to instruct beginners. The work of «kulak poets» such as S. A. Yesenin and N. A. Klyuyev was no longer considered appropriate for the poetical education of younger people. Drawing on the reviews of the poetical works from the VOKP fund, the essay seeks to understand how the Society evaluated ideology and aesthetics of these works, what kind of advice and recommendations it gave to the authors and eventually what were the criteria for publication and for the VOKP membership. The article argues that conformity to the so called Proletarian and Kolkhoz ideology was becoming into the defining principle of evaluation and acceptance. Letters and manuscripts sent by peasant writers' to VOKP, however, tell a different story. They reflect thoughts and ideas expressed by the dwellers of Soviet villages, communes, and collective farms of the 1920's – early 1930's and show that their authors did not share many aspects of the state policy.

Keywords: Society of Peasants Writers, the task of “raskrestyanivaniye” [de-peasant-ring] of the village, periodization, literary studies, ideological setups, “kulak poets,” VOKP Fund in the IWL archive collection.

Information about the author: Elena A. Papkova, DSc in Philology, Associate Professor, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: elena.iv@bk.ru

Общество крестьянских писателей за время своего существования (1921–1932) переменяло ряд названий — от Всероссийского союза крестьянских писателей (ВСКП, 1921–1925), Всероссийского общества крестьянских писателей (ВОКП, 1925–1930) до Всероссийского объединения пролетарско-колхозных писателей (ВОПКП, 1931) и Российского общества пролетарско-колхозных писателей (РОПКП, 1931–1932) и выработало много основополагающих для своей работы положений. Уже сами изменяющиеся названия этой организации ярко демонстрируют ее задачу, направленную на осуществление государственной программы «переделки деревни» (В. И. Ленин), «раскрестьянивания деревни» (Н. И. Бухарин), переводение «растущих кадров» крестьянских писателей «на рельсы пролетарской идеологии» («О политике партии в области художественной литературы») [1, с. 378]. Помимо руководящей линии, определявшей процесс изменения организации крестьянских писателей, у него была и своя внутренняя логика. Вступавшие в начале 1920-х гг. в ВСКП начинающие крестьянские поэты и прозаики — а их было немало, — судя по их заявлениям и письмам, искренне верили в возможность «научиться творчеству», стать «настоящим писателем». Но, как свидетельствуют документы, по мере своего взаимодействия с ВСКП/ВОКП/ВОПКП/РОПКП они все больше начинали осознавать, что этот путь требует от них отречения от самого дорогого и любимого: от родной деревни, дома, семьи, всех традиций крестьянской жизни. Помимо официальной «чистки рядов», провозглашенной со второй половины 1920-х гг., шло и внутреннее размежевание: кто-то перестраивался, ориентируясь на «пролетарско-колхозную» линию, кто-то отходил от общества, понимая, что здесь «нет правды». Сохранившиеся документы многое проясняют не только в истории общества крестьянских писателей, но и в истории советской литературы и, в целом, Советской России, население которой на момент революции 1917 г. на 80% было крестьянским.

Разнообразная, организационная и творческая, деятельность ВОКП¹ отразилась в многочисленных документах. Часть их: резолюции съезда, пленумов, конференций и т. п., выступления и статьи руководителей ВОКП, а также творческие материалы — произведения начинающих крестьянских писателей и поэтов — была опубликована в текущей периодике 1920 — начала 1930-х гг.: журналах «Жернов», «Красная нива», «Крестьянка», «Крестьянский журнал», «Жизнь крестьянской молодежи», «Земля Советская» и др.

Другая, существенно большая часть материалов, раскрывающих деятельность ВОКП, отложилась в архивохранилищах, пре-

¹ Здесь и далее, кроме отдельных случаев, когда речь идет о названии, соответствующем определенному периоду деятельности организации, в статье употребляется аббревиатура ВОКП, она использована и в названии фонда в ОР ИМЛИ.

жде всего Москвы (ОР ИМЛИ, РГАЛИ) и Санкт-Петербурга (РО ИРЛИ).

Наиболее полно история ВОКП представлена в документах, составивших фонд 156 ВОКП в ОР ИМЛИ РАН. Богатейший фонд включает 835 единиц хранения, документы в которых относятся к 1918–1932 гг. В основном это подлинники. Среди них — рукописи, машинописи, печатные издания, письма, телеграммы, официальные документы на бланках организаций. Уникальные материалы фонда ВОКП в ОР ИМЛИ дают ответы на многие вопросы, касающиеся судьбы крестьянской литературы в Советской России.

История общества крестьянских писателей от ВСКП до РОПКП включает два периода: 1921–1927 и 1928–1932 гг.

Всероссийский союз крестьянских писателей был создан летом 1921 г. на базе реорганизации дореволюционного Суриковского литературно-музыкального кружка. Председателем ВСКП стал крестьянский поэт Г. Д. Деев-Хомяковский, автор «Крестьянского марша». Н. В. Корниенко, в работах которой наиболее полно рассмотрено становление крестьянской литературы в Советской России, отмечает: «У крестьянского союза была масштабная программа борьбы за новый быт (идейные основания принимаемых ВСКП платформ — в выступлениях Л. Д. Троцкого, Н. К. Крупской, Н. И. Бухарина 1922–1923 гг.) и армия добровольных помощников — селькоров, готовых работать в области “культурного перевоспитания и переделки деревни”...» [6, с. 208]. С февраля 1922 г. начинает выходить издание «Красная нива» — сначала как литературный сборник, а впоследствии — журнал (под ред. П. Логинова и Г. Деева-Хомяковского). На его страницах печатаются не только члены союза, но и «новокрестьянские» поэты С. А. Клычков, А. В. Ширяевец, П. В. Орешин, С. А. Есенин, П. А. Радимов, «попутчики» Б. А. Пильняк, Вс. В. Иванов, М. М. Пришвин, А. С. Грин, В. Я. Шишков, а также пролетарские и комсомольские поэты и прозаики. С 1925 г. издается журнал ВСКП «Жернов», где публикуются и творческая «продукция», и первые организационные документы, среди которых «Литературная платформа Всероссийского Союза крестьянских писателей», принятая на расширенном пленуме Центрального Совета 28 октября 1924 г. и ставшая на несколько лет определяющей в деятельности этой литературной организации. Платформа содержала 14 основных пунктов, на которых должно было основываться творчество крестьянских прозаиков, поэтов, художников и музыкантов. От крестьянской литературы требовалось: «Непрерывное и постоянное стремление к намеченным целям и достижениям, лежащим в основе принципов Октябрьской революции 1917 года. <...> Быт и труд современной деревни в произведениях должен отражаться таким образом, чтобы мысль читателя была направлена на борьбу с вековым невежеством и темнотой крестьянской массы». Пункт 8 содержал опре-

деление крестьянского писателя, которым считался только тот писатель, «который тесно связан с трудовыми процессами как на физической, так и на общественно-полезной трудовому крестьянству и пролетариату работе». Пункты 9–12 называли враждебные литературные группировки — мелкобуржуазные и буржуазные и союзные — ВАПП, МАПП, в деловой работе к последним могли относиться и писатели-«попутчики» [7, с. 10].

С течением времени Союз расширяется, меняются его установки. Летом 1926 г. Деев-Хомяковский отчитывался о проделанной за пять лет работе, приводя цифры. К этому времени ВСКП насчитывал более 700 человек. Члены союза — крестьянские писатели, «главным образом из бедняцко-средняцкой группы крестьян». Актив: рабочие из крестьян — 81 человек, крестьяне — 502 человека, деревенская интеллигенция — 126 человек. Женщин-писательниц — 30. Беспартийных — 501. За пять лет работы Союз получил стихотворных рукописей — 11 700, прозы — 3 470, пьес — 617.

О писателях-попутчиках, раскрывавших в своем творчестве темы крестьянской жизни, так называемых новокрестьянах и «мужиковствующих (выражение Л. Д. Троцкого), Деев-Хомяковский уже высказывается не слишком одобрительно, и это понятно: создание новой крестьянской литературы в целом было нацелено на вытеснение их из литературного процесса. Попутчики, по Дееву-Хомяковскому, «имеющие больше свободного времени и больше “связей”, <...> писали зачастую всякую халтуру, и издательства выпускали их произведения в первую очередь». За время своего существования «Союз сформировал свои писательские кадры». Это «беллетристы — П. И. Замойский, М. П. Роги, С. С. Ужгин, А. Дементьев, А. Тарарухин, В. А. Кудашев, Ф. Гирс, Е. Федоров, В. Вольский, А. Львов-Марсианин, выделяющие трудовые процессы крестьянского быта и героические подвиги Красной армии». И новые поэты — Вятич-Бережных, Ф. Чернышев, В. Горшков, А. Зорский, А. Звягин, Ковынев и др. [2, с. 2–3]. Сейчас мало кто из историков русской литературы, не говоря уже о читателях, знает большую часть этих имен.

Этот первый период — годы «деевохомяковщины» (по фамилии председателя союза Деева-Хомяковского) — в 1929 г. в программной статье одного из новых руководителей ВОКП П. И. Замойского «О пройденном пути и наших задачах» были охарактеризованы как годы работы в «затхлой атмосфере», когда из-за ориентации Союза на крестьян-«самородков», «безграмотных и самовлюбленных», было создано «жалкое подобие литературы», в которой не было «четкой политической линии» [4, с. 51–53]. В действительности, как свидетельствуют документы фонда 156 ОР ИМЛИ, особенно касающиеся работы с начинающими авторами, это было время, когда, несмотря на задачу «смело перемалывать весь старый склад жизни» [7, с. 11],

общество крестьянских писателей оказывало им реальную помощь и в литературной учебе, и, что немаловажно, в материальном плане.

Материалы фонда, относящиеся к первому периоду деятельности ВСКП, датируются в основном не ранее 1925 г. Начинающий писатель должен был заполнить анкету, где указать помимо фамилии, имени, возраста, адреса, еще социальное происхождение, партийность, а также ответить на вопросы: «Какой вид литературного творчества считаете для себя наиболее характерным? Имеются ли печатные произведения, где печатаны и печатаются (регулярно, эпизодически), название отделов вышедшей книги? Состоял ли в каких-либо писательских группах и организациях, в каких именно?»² Как правило, в анкетах начинающих писателей указано — «крестьянин», среди ответов перечисляются такие «профессии»: крестьянин, батрак, рабочий, доброволец, красноармеец, краснофлотец, учащийся рабфака.

Кроме заполнения анкеты, начинающий прозаик или поэт писал свою автобиографию. Среди материалов фонда автобиографий немало, подчас они представляют собой прозаические тексты, с включением фрагментов стихотворений. Например, Дмитрий Горбунов, 1894 г.р., в 1929 г. рассказывал о своем жизненном пути и сложном отношении к городу и деревне так:

МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Ненарочно на свет я родился
Ненарочно живу и живу.
Восемнадцать лет женился
С девятнадцати тятькой зовут.
А до этой поры что было
Половину всего забыл,
По рассказам старух бобылок
Я отчаянный парень был.

Родился я в деревне Киселюхе, Ярославской губ. того же уезда, Борисоглебской волости. Учился в сельской школе одну зиму. Девяти лет отправили в Питер в мальчики.

И привез меня в Питер дядя.
Мой отец жил тогда на «Песках»
Торговал шоколадом «Конради»,
Керосином, была и треска.
Он с хозяином был заедино,
Обирал и господ и прислуг.

И желал чтоб и мне его сыну

² ОР ИМЛИ. Ф. 156.

Научиться тому ж ремеслу.

Ремеслу этому я научился, но не любил его, очень не ладил с хозяевами, а потому часто менял их и даже профессии менял. Работал в мясных лавках, в гастрономических, в булочных и т. д. После учения в мальчиках я 13-летним приехал в деревню. С той поры принялся за крестьянство, пахал, косил и вообще все крестьянские работы выполнял. Здоров я был очень. Крестьянскую работу люблю, но не привелось работать как настоящему крестьянину, тоска заела, уж больно бедна наша деревня, да и вся округа. Бедна до невозможности. Нонче перевез в город всю семью и наверное навсегда. Отрываясь от своей Киселюхи я написал ей прощальное стихотворение:

Деревня, милая, прости!
Устал я плакать и грустить.
Хочу забыть тебя, забросить.
Быть может кто случайно спросит.
Скажи, что, да, такой-то был,
Ушел, но все ж не разлюбил
Полей заросших ивняками
Шлифованный тяжелый камень
На шее на моей повис.
Я душу выкупал в крови
И городу запродаю волю.
Прощай, измызганное поле.
Глухая, темная чаща.
Деревня, милая, прощай!

Хотел забыть, да разве позабудешь! Сейчас я крепче полюбил деревню. И думаю, что ни одного печального стиха не напишу я для нее, для моей Киселюхи, все что бодрое и светлое ношу в душе своей — отдам деревне, и потому: у меня балалайка — не лира

И на ней только три струны:
Две из них для родной стороны
И одна лишь для целого мира.

Не в час я начал о себе писать, совсем я не такой печальный, как написано здесь.

25/ II 1929³

Дело каждого будущего члена ВОКП могло включать его письма в общество, которые были посвящены различным проблемам: творческим, бытовым, иногда социально-политическим:

В союз всер. кр. писателей селькора 3 1926 «Крестьянской газеты»
И. Ерманов 1925 года, июня 5 д.

³ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 145. Л. 32 об. Здесь и далее при публикации документов фонда 156 сохраняются орфография и пунктуация оригинала.

За руководящую литературу для начинающего писателя вы требуете денег каких у меня как раз не имеется я крестьянин и не получаю определенного жалования, которого бы мог уделить для этой цели. А писать (1нрзб) и хочется так как требует время. И вот если вы считаете это дело важным. А это так, потому что вы сами работаете в этой отрасли, то думаю вы незадумаетесь выслать мне вышеуказанную литературу тем более что это весьма оправдывает себя в дальнейшем.

С почтением И. Ерманов⁴

Представитель старшего поколения крестьянских писателей Ушаков Тарас Антонович, 1884 г.р., обращался к руководителям ВОКП неоднократно. В деле 540 хранятся его анкета, стихотворения, рассказы и рецензия на одно из стихотворений, а также переписка с ВОКП 1926–1927 гг. В сопроводительном письме автор рассказывает о себе и заодно выражает свое суждение о крестьянской литературе и тех проблемах, с которыми, как ему представляется, она сталкивается в своем развитии:

Уважаемые товарищи!

Посылаю вам заполненную мной анкету. Постараюсь прислать членский взнос. Что касается распространения журнала ЖЕРНОВ, могу приступить к этому делу только с начала осени. Вам хорошо известно, что жители деревни, все в работе, у меня имеется целая серия рассказов и тетрадь стихов, которые просмотрены, и некоторые одобрены Госиздатом, но лежат у меня в сундуке. Что же делать? Когда мы попали под перекрестный обстрел прежде нас считали слишком молоды, теперь нам говорят, вы слишком устарели. Но я верю, что наша крестьянская литература, когда бы не было выдет на свою верную дорогу.

Пусть агит поет как хочет,
Пусть работает, хлопчет
Пусть кричит до хрипоты
Но уж хочет иль не хочет
А нагонит тошноты.

Однобокость, односторонность литературы уже сказывается среди нашей молодежи. Она требует истины жизни, без всякой подкраски, хотя говорится, что кашу маслом не испортишь, а пожалуй что и с масла затошнит.

Остаюсь другом, крестьянин села Вилинки, михайловской волости скопинского у. ряз. губ. Тарас Антонович Ушаков⁵.

⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 146. Л. 43–43 об.

⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 540. Л. 2.

Среди документов в деле Т. А. Ушакова хранится еще одно его письмо с обращением «Дорогие товарищи!» Судя по штампу ВОКП на листе, оно было получено в ноябре 1926 г. Автор рассказывает о себе: «...живу незавидно, получая 20 руб. в месяц на всем своем содержании, кое-как питаюсь, и ели прикрываю голое тело»; о таких, как он сам, крестьянских поэтах: «...нет места для нашего творчества, напишешь, пошлешь, и... ни ответа ни привета, в воду кануло»; сравнивает себя, судя по контексту, с прославленным Демьяном Бедным, беллетризованная биография которого в это время публиковалась в «Крестьянском журнале»: «Живу, работаю, подкрепляю себя духом социализма. И не так беден, как наш владыка Демьян. —

Ему простор, и ширь, и нет границ полета...».

Вся вторая часть письма посвящена реальной жизни страны в десятую годовщину победившей революции. Об этой жизни крестьянский поэт размышляет и в стихах: «Чем же родина наша богата? / Как посмотришь на дело вокруг / Та же грубая сила захвата / Тот же грубый насилья недуг», и в самом тексте своего обращения:

Пусть будет так, но я лично не хочу подхалимничать не хочу искажать той истины, о которой говорит мне Сама Жизнь. А жизнь говорит многое, она указывает на те изгибы, по которым блуждает жданная нами Свобода. Но я верю, что человечество найдет прямой выход, уравновесит жизнь, не потерпит захвата. Чтобы один жирел как бороз, а другой подыхал от голода. Я верю, что Свобода пораженная гнойными прыщами должна идти к оздоровлению. Больной пережиток времени заставляет задуматься каждого гражданина, как выйдти из тупика, как упорядочить жизнь. Пусть я беден, пусть я пешка для каждого последнего комиссара, который мог бы меня перебросить, в любой момент, в любое место, ничуть не стал бы я возражать, не стал бы я изливать никакой жалобы, если бы я не видел в этом насилья, лжи и обмана со стороны властей. А властям так или иначе я должен подчиниться. А поэтому и приходится жить так, как позволяют обстоятельства.

Еще многое хотелось бы говорить. Говорить о правде но мне возражают некоторые из партийцев: что правда? Правда есть утопия. После этого является толстый вопрос, как же жить? Неужели царство людей превращать в царство животных. Неужели наш прогресс, наша революция поведет нас к одичалости, нет, нет, этого быть не должно. Мы должны воспитывать молодежь в духе человечества, мы должны показывать пример, тем хищникам, которые целые века паразитировали, и хотят сейчас паразитировать рабочий люд. Хотят обойти прямую линию жизни. Нет, нет, честность должна быть, тверда и непоколебима.

Тарас Ушаков⁶

⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 540. Л. 26–28.

Правда, такого рода откровенные письменные высказывания крестьянских писателей в фонде ВОКП попадаются далеко не часто.

Рубежом в истории ВОКП считается 1927 г., когда началась «коренная перестройка» организации, причиной которой стали отнюдь не творческие проблемы. В январе 1927 г. в «Правде» были опубликованы «Злые заметки» Н. И. Бухарина. Н. В. Корниенко указывает: «Есенинский сюжет в исполнении Бухарина был одним из первых прямых ответов партии на вопрос, который витал в воздухе, — с крестьянством или против крестьянства, с опорой на традицию или наоборот будет проводиться в жизнь курс на индустриализацию и построение социализма в одной стране» [6, с. 143].

Рупором идеологических установок нового общества становится периодический журнал «Земля Советская» (1929–1932). В целях проведения «четкой политической линии» редколлегия сочла необходимым сразу же отмежеваться от несовместимых с ней представлений о крестьянской литературе. Так, в статье с характерным заглавием «Кнутом направо» Замойский обрушивался на виднейшего критика 1920-х гг. В. П. Полонского, чье представление о крестьянских писателях определял как «идеологическую путаницу». «Эх, Вячеслав Павлович, ведь вы даже статью Бухарина “Злые заметки” не читали!» — обращается к критику Замойский, цитируя большой фрагмент из его статьи «Октябрь и художественная литература» (Известия. 1928. 7 нояб.). «Подлинно крестьянская литература, — писал Полонский, — которая дышит деревней, художественно отражает ее лик, развивается в стороне» от союза крестьянских писателей. Ее истинные представители — не Деев-Хомяковский и Замойский, а С. Есенин, Н. Клюев, С. Клычков, поэты «есенинской школы». К «крестьянскому сектору» Полонский относит и Вс. Иванова (первого периода), и Ф. И. Панферова, и поэтов П. В. Орешина и П. Д. Дружинина и утверждает, что «именно этот сектор, связанный с деревней, представляет наибольший интерес для критика». Отвечая Полонскому, Замойский снисходителен: Полонский, де, «ровным ровно ничего не знал и не знает», «крестьянскую литературу, настоящую, не читал», «ему надо помочь». А дальше напоминает «документы партии» и «новую творческую платформу» ВОПК, принятую на майском пленуме 1927 г.: «Не всякий писатель, пишущий о крестьянстве, является подлинно крестьянским писателем. Крестьянскими писателями нужно считать таких, которые, на основе пролетарской идеологии, но при помощи свойственных им крестьянских образов, в своих художественных произведениях организуют чувство и сознание трудовых слоев крестьянства и всех трудящихся в сторону борьбы с мелкобуржуазной ограниченностью — за коллективизацию хозяйства, быта и психики в сторону строительства социализма...». Что касается «ку-

лацких» писателей Клюева, Клычкова, Есенина, то — «в тартарары эту литературу!» [3, с. 47–50].

Размежевание произошло на Первом Всероссийском съезде крестьянских писателей, который открылся 3 июня 1929 г. в Центральном Доме Крестьянина в Москве под председательством А. Я. Дорогойченко. На съезде было 157 делегатов. Итогом работы Первого съезда ВОКП стала резолюция, в которой четко обозначалось, кто такой «крестьянский писатель»:

Только тот писатель является подлинно крестьянским писателем, который определенно защищает интересы пролетарского и бедняцкого слоев деревни, который умеет отличить среди разных, часто противоречивых интересов среднего крестьянства его основные решающие интересы, связывающие его с социалистическим пролетариатом, который, борясь против кулацко-капиталистической и мелкобуржуазной идеологии, идет к пролетарской идеологии.

Съезд решительно отмежевывается от тех называющих себя «крестьянскими» писателей, которые выражают в своих произведениях интересы и чаяния эксплуататорской, кулацкой части деревни, идеологию классового врага пролетариата и бедняцко-средняцких масс крестьянства. С этой кулацкой литературой подлинно крестьянские писатели ничего общего не имеют и объявляют ей решительную борьбу [8, с. 53].

Документы фонда 156, относящиеся к Первому съезду и последовавшим за ним различным конференциям и пленумам, раскрывают механизмы чистки рядов общества, основанные на предложенных новыми руководителями идеологических критериях. Так, выступая на съезде, М. Е. Беккер утверждал:

...поэтов, входящих в ВОКП, можно идеологически квалифицировать: 1) пролетарско-крестьянские поэты <...> полно выражают коммунистическую идеологию: Доронин, Дорогойченко, Батрак <...>; 2) поэты с народническим уклоном (Тачалов, Горшков); 3) попутчики крестьянской поэзии <...> лишены еще четкой пролетарской идеологии (Пестюхин, Фокин); 4) интеллигентствующие (Соболевский).

Особенно энергично Беккер обрушивался на «пейзанство» в современной литературе: «Наиболее активными рассадниками пейзажа являются поэты из лагеря “мужиковствующих”. Характерное его проявление — козыряние мужицким знанием. <...> Примерами идеального воспевания деревни, мужика изобилует творчество Клюева». Далее Беккер цитировал стихотворение Клюева «Пахарь»: «На мне убогая сермяга, / Худая обувь на ногах, /

Но сколько радости и блага / Сквозит в поруганных чертах!» — и комментировал: «Это уже не мирный хлебопашец, а новоявленный Микула Селянинович с мистическим сиянием на голове. Пахарь приобретает черты “святого труженика”: “Но я, как небо, мудро светел, / И не разгадан, как оно”». Примерно в таком же ключе разбираются стихотворения С. Клычкова, П. Орешина. Но — и это более всего вызывает тревогу критика — пейзажизм стало «достоянием не только “мужиковствующих”. К сожалению, <...> пейзажизмом заражены и произведения некоторых пролетарских, особенно молодых крестьянских поэтов. Разумеется, их пейзажизм — явление несколько иного рода. Оно окрашено новыми советскими тонами, но это не умаляет зла этого явления. Наиболее распространенный его признак выражается в “лакировке” деревни, в чрезмерном преувеличивании наших достижений, в слащавой идеализации людей нового поколения». Называя стихотворения Жарова «О садовнике и о плодах», книгу Доронина «Первый сбор», Беккер видит в них «нетрудовое восприятие деревни, несмотря на заявления о полях, о земле, на обилие запахов». Воспевание «счастливого деревенского бытия», считает критик, наиболее распространенное зло, присущее произведениям Наседкина, Ковынева, Приблудного и других⁷.

В своем докладе «Пути крестьянской литературы» на заседании съезда 4 июня 1929 г. И. А. Батрак также не обошел вниманием ново-крестьянских поэтов и тех критиков, которые их поддерживали:

Мы знаем такие случаи, когда, например, некоторые товарищи, вроде Воронского или Полонского, позволяли себе похлопывать по плечу за формальные достижения Клюева, Клычкова и т. д., вместо того, чтобы разоблачить их, заставить их основательно подумать над своим идеологическим багажом⁸.

Продолжая борьбу за «подлинно крестьянских писателей», носившую далеко не литературный характер, Дорогойченко докладывал на Совещании ВОКП, проходившем совместно с представителями ЦК союза сельхозрабочих 19 октября 1930 г. (цит. по стенограмме):

Надо расстаться с этим абсолютно негодным термином. Посмотрим, кто крестьянским писателем считался в прежнее время: классический крестьянский писатель Кольцов, который молился боженьке, Клюев, Есенин — вот крестьянские писатели. В крестьянской литературе были такие писатели-профессора — негодяи, которые причисля-

⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 5. Л. 129–134.

⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 5. Л. 84.

ли себя к крестьянским писателям, за такими писателями шли даже наши бывшие вожди, которые занимались тоже литературой. Более того, за ними шел Троцкий, который говорил, что у Клюева талантливый крестьянский облик⁹.

Материалы фонда 156 представляют формы и методы литературной учебы, направленной на воспитание «подлинно крестьянских писателей». На основании различных типов рецензий на присылаемые произведения можно понять, как оценивали их идеологию и эстетику, какие давались советы и рекомендации, по каким принципам произведение признавалось годным в печать, а его автор — достойным стать членом ВОКП.

Первым шагом становилась работа с многочисленными рукописями, которые приходили в Союз из деревень, сел, коммун, артелей Советской России. Работу с рукописями вел актив крестьянских писателей, осевших по тем или иным причинам в Москве. В фонде ВОКП имеется большое количество материалов, раскрывающих эту работу. Часто отзывы давались без подписи. Орфография и пунктуация в них свидетельствует о том, что их авторы сами еще недавно были начинающими крестьянскими писателями. Среди профессиональных рецензентов выделяются отзывы П. А. Травина, стоявшего у истоков еще Суриковского кружка:

18 апреля 27 г.

Егоров З.Г.

В дороге:

Рассказ хотя и построен в форме разговора учителя с врачом в дороге, но читается с интересом и ценен тем, что ярко обрисовывает внутренние переживания коммуниста деревенского-учителя. Написан в защиту интеллигента-коммуниста и написан, искренне просто, без всякой агитации.

К печати годен без редакции.

П. Травин¹⁰

По мере превращения ВСКП в РОПКП по-разному решался вопрос о том, как учиться и, главное, у кого учиться крестьянским авторам. В отзывах 1925–1927 гг. чаще всего назывались имена «классиков: Гоголя, Толстого, Пушкина, Лермонтова, Некрасова», которых нужно «вдумчиво почитать»¹¹. Однако гораздо большее влияние оказывали не столько классики, сколько современники. В отзывах и ре-

⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 86. Л. 38.

¹⁰ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 146. Л. 20.

¹¹ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 466. Л. 2 об.

цензиях первого периода деятельности ВОКП еще можно встретить имена С. Есенина и Н. Клюева как «учителей». Так, А. Бур<нрзб> 9 декабря 1926 г., комментируя стихи начинающего поэта Василия Никитина, советует ему:

Стихи хорошие, хотя встречаются перебои ритма и устаревшие выражения, но бодрость, звучащая в каждой строчке этих симпатичных стихов, сглаживает недостатки. <...> Нужно читать новых поэтов, конечно лучших (Есенина, В. Казина, Вл. Кириллова, Клюева и др.). Настойчиво нужно учиться. И тогда мы поздравим вас как нового талантливую лирика¹².

С течением времени акценты смещались, имена С. Есенина и Н. Клюева постепенно становились все более нежелательными для того, чтобы служить ориентирами начинающим писателям:

А. Евдокимову

Дорогой товарищ!

Ваши стихи «Русь» и другие к печати не подходят, так как написаны они прозаично и примитивно, образности нет. Потуги подражать Клюеву слабы и в своих произведениях вы больше рассказываете, чем показываете. Вам следует усиленно заняться учебой.

С товарищеским приветом

23 янв. 1928

ЛИТБЮРО ВОКП¹³

Материалы фонда, относящиеся к разным периодам деятельности ВОКП, показывают, как поэтические симпатии начинающих крестьянских поэтов определяли их будущие творческие судьбы. Документы, которые отложились в единице хранения 459, раскрывают творческую биографию крестьянского поэта Василия М. (полного отчества нет) Никитина и дают возможность проследить, как менялось отношение руководства ВОКП к влиянию Н. Клюева и С. Есенина на его произведения. Стихи Никитина, присланные в 1927 г., подтверждают, что он прислушался к пожеланию рецензента читать «новых» «лучших» поэтов¹⁴. Так, в стихотворении «Вечер в деревне», датированном 8 марта 1927 г., отчетливо видно подражание есенинскому «Нивы сжаты, рощи голы...» Сравним: «Спускает вечер свой навес / Туман над озером и сырость / И как арбуз за синий лес / Спокойно солнце закатилось»¹⁵. В декабре того же года написано Ники-

¹² ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 459. Л. 26.

¹³ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 146. Л. 7.

¹⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 459. Л. 26.

¹⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 459. Л. 28.

тиным «Письмо матери», на полях листа рецензент пометил простым карандашом: «Есенин»¹⁶.

Н. В. Корниенко в своей работе на многочисленных примерах из периодики 1925–1926 гг. показала, насколько сильное влияние оказал есенинский лирический эпистолярный жанр на комсомольских поэтов. Несмотря на очевидность того, что «идея материнства, кровного родства и коммунизма по “Азбуке коммунизма” и “Вопросам быта” понятия онтологически несовместные» [6, с. 237], влияние поэтического шедевра С. Есенина на «бодрых комсомольцев» было огромным, хотя наиболее «верные ученики-комсомольцы» и утверждали, как поэт М. Юрин: «Покрой есенинский мне узок» [6, с. 235].

Молодые крестьянские поэты, в отличие от поэтов-комсомольцев, как правило, не собирались спорить с Есениным, который для них, как написал Иван Ханаев, «дорогой учитель» и «брат»¹⁷. Его мир был им, как никому, близок и понятен. Старенькая «мама» лирического героя Никитина так же выходит на дорогу, «смотрит в даль голубую с тоской», тревожится, «грустит, вопрос затая», «сидит у окошка скорбя». И, верный сыновнему долгу, крестьянский сын просит ее не тосковать у «белоснежных кудрявых берез», говорит, что «по-прежнему любит», обещает «вернуться на родные поля»¹⁸.

На вопрос матери «Что то делает сын на рабфаке?» материалы дела 459 дают исчерпывающий ответ. Очевидно, летом 1927 г. В. Никитин из деревни Красное Савино Новгородской губернии переезжает в Москву, учиться, новый его адрес — «Тверской бульвар, 25»¹⁹. Существенно меняется тональность его писем в ВОКП. В ноябре 1926 г. Никитин рассказывал о себе: «Препровождая стихи до журнала “Жернов”, прошу их рассмотреть и дать свое заключение. Пишу с 19 лет. <...> Писать большая страсть»²⁰. Спустя почти два года, молодой поэт, судя по подписи, учащийся 1 курса Педфака п/о при 2МГУ, в отчаянии обращается в Литбюро ВОКП с просьбой о денежном пособии:

Дорогие товарищи!

Еле дожусь, когда Вы исполните мою единственную, первую и последнюю просьбу. <...>

P.S. Ребята, с голоду я готов десны свои съесть. Все жую и жую.

8 сентября 1928 г.²¹

¹⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 459. Л. 32.

¹⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 546. Л. 9–10.

¹⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 459. Л. 32.

¹⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 459. Л. 49.

²⁰ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 459. Л. 25.

²¹ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 459. Л. 48–49.

Но новое руководство ВОКП отнюдь не собиралось безоглядно помогать «сидящим на печке самородкам» [3, с. 48]. Материалы дела свидетельствуют, что никакой поддержки от ВОКП крестьянский поэт не получил. И это не удивительно: в рецензии от 9 января 1928 г. на новые присланные в ВОКП стихи, среди которых были, например, такие:

Рыдает колокол церковный
Над деревенской тишиной
И месяц, свет бросая ровный,
Плывет над гущею лесной.

Зовет молящихся к вечерне
Унылый колокола звон...
Как будто в тишине вечерней
Судьбу оплакивает он...²²

— практически вынесен приговор поэту из деревни:

5. *Содержание произведения* Личные переживания автора. Грусть по деревне, по любимой девушке.

6. *Идеология* Настроение автора небодрое, личное, не затрагивающее обществ. коллективных мотивов. <...>

12. *Заключение* Товарищу следовало бы оставить стихи как род художественного творчества для него непосильный²³.

Другому крестьянскому автору, Георгию Пономареву, из починка Гольянского Воткинского района Уральской области, повезло больше. Несмотря на оценку идеологии его творчества как «пролетарской, очень бодрой, хотя и не без есенинских упадочных настроений», на «подражательность отчасти Есенину и имажинистам», заключение рецензента было вполне снисходительным: «Кое-что можно напечатать, с редакторской правкой». Еще автору предлагалось «прочитать Доронина, Казина, Герасимова, внимательно изучить Пушкина и Лермонтова» (1928)²⁴.

Действительно, на страницах стихотворного сборника Пономарева бодрость и уверенность: «Преступление испуг свой растить / И, взметнувшись огнем, остыть / Мы ли в жизни незванные гости? / Мы хозяева и творцы!» [9, 491, 14] — сменялись тихой лирической интонацией Есенина, которую не могли не отметить рецензенты ВОКП:

²² ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 459. Л. 78.

²³ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 459. Л. 94.

²⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 491. Л. 3.

Слышу, слышу — в звездном хоре
Радость тихая звучит;
Перезвонов чудных море
Льет с небесной каланчи! <...>

Встану в поле, у дороги,
Чужд заботы и кручин,
Поклонюсь покорно в ноги
Тишине святой ночи.²⁵

И, казалось бы, готовый «поломать покой» «старицы Руси», «понавесить железные запоры», «развеять дремотную ветошь» и т. п., крестьянский поэт выходит в поля — и ведет с родиной, «матерью-землей» совершенно другой разговор:

В ПОЛЯХ

Да, в жизни был я и устал,
Но все прошло, как дым!
Слетает изморозь с куста
На заячьи следы. <...>

Иду-иду, иду-иду! —
Ах, это символизм! —
Звучит отгадка моих дум
Во чреве, у земли!²⁶

Если присланное произведение категорически не подходило ВОКП, то рецензенты могли даже не утруждать себя написанием ответа. В фонде хранится немало стихов, просто перечеркнутых крест-накрест красным карандашом, например такое:

Хмелинский Е. А.
ТРАУРНЫЙ ДЕНЬ
Я помню это было в январе;
Мороз тогда стоял на дворе,
И толпою народ
Продвигался вперед —
В колонный зал,
Где прах Ильича лежал.
Этого великого вождя
Бессмертных идей

²⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 491. Л. 16.

²⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 491. Л. 29.

Которого носила мать-земля
На поверхности своей...
(б.д.)²⁷

Трудно сказать однозначно, что именно не удовлетворило рецензента ВОКП: отсутствие ритма или «прах Ильича», которого «носила мать-земля».

С 1927 г. новые руководители ВОКП ввели более усовершенствованный, а по сути более формализованный подход к оценке поступающих рукописей:

БЛАНК РЕЦЕНЗИЙ

1. *Автор* П. Ермаков
2. *Название пьесы, рассказа, стихов* стихи
3. *Архитект. построение* неумелое
4. *Слог* очень просто, но без оттенка художественности
5. *Правдоподобие* Большое, но с оттенком романтики, украшенное фантастическими цветочками
6. *Типичность* отсутствует, мотивы узко личные, субъективные
7. *Степень обобщаемости* Отсутствует. Обобщать порой в лице Прометея не следует, потому что о Прометее русский крестьянин не знает, а знает своего Прометея — Микулушку и Илью Муромца.
8. *Идеология* Невыдержана. Автор страдает анахронизмами. Октябрь ни одним словом не отражен и не показан у товарища.
9. *Что нужно сказать автору* Как и всем — учиться у мастеров слова художественному изображению темы, простоте и ясности слога, быть созвучным эпохе и не спешить заканчивать свои вещи, обдумывая их и шлифуя, как драгоценные камни без знания всей современной поэзии, сидя на месте невозможно чему-либо научиться.
10. *Общее заключение* предлагаю зачислить тов. Ермакова кандидатом и взять под чье-либо из нас «покровительство».

В. Горшков
3/IV — 27 г.²⁸

Однако рецензенты далеко не всегда заполняли их все. Главным, судя по рассмотренным материалам, постепенно становился пункт идеология. Приведем пример рецензии 1928 г. на рассказ С. Виловаткина «Две осени», содержание которого рецензент (подпись неразборчива) охарактеризовал так:

²⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 550. Л. 1.

²⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 146. Л. 43.

Две учительницы ведут беседу «о жизненной пустоте» — у одной из них эта «пустота» заполнена ребенком. У другой ничего подобного нет. Автор, как бы доискиваясь до причин скорбных переживаний учительницы — заставляет ее вспомнить свое детство, юность и т. д. —

и сделал вывод: «Содержание не интересно, лживо, упадочно. Разве такие наши учительницы? Разве описываемая автором “пустота” правдоподобна?» В пункте «Идеология» значилось:

По своей идеологии рассказ носит ярко выраженный упадочный характер. Учительница пропустившая все «года любви» незаметившая свою юность опускает руки. Рассказ не имеет ничего общего с современностью.

Отсюда логично следовало заключение: «Рассказ выполнен беспомощно. Замысел не правдоподобен и лжив. Переработок не требует, для печати не годен»²⁹.

Итоги деятельности ВОКП / РОПКП подвело постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (апрель 1932 г.). Уже после выхода постановления П. Замойский признавался (цит. по машинописи статьи без заглавия с авторской правкой):

...Постановление ЦК ВКП (б) от 23 апреля с/г — событие исторического значения. Кастовая замкнутость писательских организаций в частности РОКП, разбита) сильно начала тормозить этот рост. Эта организация, отгороженная и отгородившаяся китайской стеной, варила в собственном соку. Система организационной замкнутости сковывала писателя, наклеивала марку. Внушали, что сколько бы роковец не давал произведений с пролетарской идеологией, он все равно не будет пролетарским писателем. <...> ...меня все время причисляли или к «близко стоящим», или к «вплотную переходящим», или к «почти уже перешедшим». Сказать, что я пролетарский писатель, было невозможно.

Создалась затхлая атмосфера в РОПКП. Организация билась в тисках собственной ограниченности. Творческий рост искусственно начал задерживаться.

Постановление ЦК своевременно³⁰.

Постановление партии фактически упразднило общество крестьянских писателей, как и другие литературные организации. В истории развития крестьянской литературы начался новый период.

²⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 145. Л. 2–2 об.

³⁰ ОР ИМЛИ. Ф. 156. Д. 419. Л. 1–6. Курсивом обозначен зачеркнутый текст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 В тисках идеологии. Антология литературно-политических документов, 1917–1927 / сост. К. Аймермахер. М.: Книжная палата, 1992. 511 с.
- 2 Деев-Хомьяковский Г. Д. Наши достижения за 5 лет // Жернов. 1926. № 4. С. 2–3.
- 3 Замойский П. Кнутом направо // Земля Советская. 1929. № 1. С. 47–50.
- 4 Замойский П. О пройденном пути и наших задачах // Земля Советская. 1929. № 6. С. 52–54.
- 5 Карпинский В. Кого же считать крестьянским писателем // Земля Советская. 1929. № 4. С. 47–55.
- 6 Корниенко Н. В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 504 с.
- 7 Литературная платформа Всероссийского союза крестьянских писателей (принята на расширенном пленуме Центрального Совета Союза 28 / X – 24 года) // Жернов. 1925. № 1. С. 10–11.
- 8 О путях крестьянской литературы. Резолюция Первого Всероссийского съезда крестьянских писателей // Земля Советская. 1929. № 7. С. 53–54.

REFERENCES

- 1 *V tiskah ideologii. Antologija literaturno-politicheskikh dokumentov, 1917–1927*, sost. K. Ajmermaher [In the grip of ideology. Anthology of literary and political documents]. Moscow, Knizhnaja palata Publ., 1992. 511 p. (In Russ.)
- 2 Deev-Homyakovskij G. D. Nashi dostizhenija za 5 let [Our achievements over 5 years.]. Zhernov [Millstone]. 1926, no 4, pp. 2–3. (In Russ.)
- 3 Zamojskij P. Knutom napravo [A lash to the right]. *Zemlja sovetskaja* [Soviet land], 1929, no 1, p. 47–50. (In Russ.)
- 4 Zamojskij P. O projdennom puti i nashih zadachah [About the passed way and about our tasks]. *Zemlja Sovetskaja* [Soviet Land], 1929, no 6, pp. 52–54. (In Russ.)
- 5 Karpinskij V. Kogo zhe schitat' krest'janskim pisatelem [Whom to consider a peasant writer]. *Zemlja Sovetskaja* [Soviet Land], 1929, no 4, pp. 47–55. (In Russ.)
- 6 Kornienko N. V. “Njepovskaja ottepel’”: stanovlenie instituta sovetskoj literaturnoj kritiki [“Thaw of the New Economic Policy”: the formation of the Institute of Soviet literary criticism]. Moscow, IMLI Publ., 2010. 504 p. (In Russ.)
- 7 Literaturnaja platforma Vserossijskogo sojuza krest'janskih pisatelej (prinjata na rasshirenom plenumе Central'nogo Soveta Sojuza 28 / X – 24 goda) [The literary platform of the All-Russian Union of peasant writers (adopted at the enlarged Plenum of the Central Council of the Union of October 28, 1924)]. Zhernov [Millstone], 1925, no 1, pp. 10–11. (In Russ.)
- 8 O putjah krest'janskoj literatury. Rezoljucija Perвого Vserossijskogo sjezda krest'janskih pisatelej [About the ways of peasant literature. Resolution of the First All-Russian Congress of peasant writers]. *Zemlja Sovetskaja* [Soviet Land], 1929, no 7, pp. 53–54. (In Russ.)